

Андрей Мансуров

Дочь Ведьмы

Андрей Мансуров

Дочь Ведьмы

«Автор»

2026

Мансуров А. А.

Дочь Ведьмы / А. А. Мансуров — «Автор», 2026

В мире будущего немногочисленные остатки человечества выживают после ядерного Апокалипсиса. Цивилизация скатилась до уровня тёмного Средневековья. Чего же удивляться, что замученные работой полуголодные люди стали видеть везде Ведьм! Насылающих на них проклятья, сглаз, наводящие порчу, и не дающие жить спокойно и хорошо! И, конечно, появилась профессия ведьмоборцев-чистильщиков. Которые выявляют, пытаются, и уничтожают Ведьм! Понимая, что цинично и прагматично используют к своей выгоде суеверия и паранойю полудиких необразованных соотечественников... Но что случится, если два брата-компаньона из Цеха чистильщиков встретят НАСТОЯЩУЮ Ведьму?!..

© Мансуров А. А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Мансуров

Дочь Ведьмы

Дочь Ведьмы.
Повесть.

- Тот, кто убьёт меня – сам не проживёт и года! – морщинистая старуха с неопрятными седыми лохмами извивалась, лёжа на боку на голом бетонном перекрытии, но развязать путы, стягивающие ноги и руки за спиной в один тугий узел, не могла. Впрочем, тут же ударивший по ушам раскат грома практически заглушил её визгливый голос. Так что остальные участники «церемонии» вряд ли слышали сказанное. Тем более, что пугливо жались друг к дружке за его спиной, метрах в пяти от него, и в десяти – от края площадки.

Хенрик, щурясь от вспышки разряда, подумал, что допустил ошибку: нужно всё же было заткнуть ведьме рот кляпом. Чтоб не пугала людей. И не наводила тень на плетень.

С другой стороны, пока они тащили её сюда, наверно, она была в отключке. И опасности не представляла.

Ну а сейчас... Вот именно: поздно сожалеть. Нужно действовать.

Поэтому он рассмеялся.

Своим «фирменным», противным и, как он прекрасно знал, проникающим в душу, словно нож в масло, смехом. (Некоторые его соратники говорили, что слушать этот циничный и издевательский смех – всё равно, что есть хлеб с песком...)

Сказал:

- Объясни всё это планете Земля. Ведь тебя убьёт не человек. А банальная гравитация!

Вразвалочку он подошёл к старухе и взял её за верёвку, стягивающую колени. Поднял на одной руке. В нос ударил застарелый запах давно не стиранного белья и немытого тела. И ещё у неё воняло изо рта. Фу-у...

Он поспешил отодвинуть тело подальше от себя.

Ведьма, висевшая сейчас вниз головой, казалось, почти ничего не весила: килограмм сорок, как он прикинул. Ну а он легко ворочает мешки весом в сотню. Тренирован. Никуда не денешься: издержки профессии...

Но всё равно, даже сейчас, глядя на него снизу вверх, она, перекивая ветер и новые раскаты, пыталась что-то прорычать, проорать, провизжать, плюясь слюной и злобно скалясь, пока он нёс её к краю.

Хенрик усмехнулся:

- Н-ну? Где все эти силы ада, которые должны обрушиться на мою голову? Или им нужно подождать целый год, чтоб покарать меня?!

Словно в ответ ему снова сверкнула чудовищно огромная и извилистая молния, прочертив чёрно-синее небо огненно-белым зигзагом, и снова гроыхнуло – да так, что здание даже содрогнулось. Но тут же окружавшие их руины снова скрылись в темноте.

- Ты не избежешь расплаты! Сын гадуки, и брат висельника! – голос словно задушенный, но злоба и ненависть сквозили в каждом звуке.

Хенрик пожал плечами:

- Благодарю, конечно, за изысканные комплименты в адрес моих родственников. Однако тебе очень скоро будет не до изобретения таких дохленьких оскорблений. Которых, как и угроз, уж поверь, за свою карьеру Чистильщика я наслушался предостаточно. И – ничего. Жив.

А теперь – что-нибудь оригинальное. Свежее. На прощанье.

- Ты... – голос вдруг стал серьёзным. Почти обычным. Деловым. - Должен найти мою дочь.

- Зачем бы это? – он действительно удивился, - Чтоб она постаралась отомстить за твою смерть?

- Нет. Ты должен влюбиться в неё. И жениться.

- И у нас будет много детей?! – Хенрик поспешил перебить старуху, снова рассмеявшись, - И она будет мне «любящей женой»? И я познаю все «прелести» супружества? Бред! Ты плохо обо мне думаешь, старуха. Я – *Чистильщик!* И не настолько наивен, чтоб – жениться. Да ещё на дочери ведьмы. Тут, думаю, мне и ад раем покажется! Нет, не буду я никого искать!

Прощай.

Он просто разжал руку. Воя, визжа, и ругаясь, или уж - выкрикивая заклинания, ведьма полетела вниз головой с высоты восемнадцати этажей.

Внизу, как знал Хенрик, кроме груд кирпичей и камней, торчащих в разные стороны ржавых штырей из арматуры, и косо стоявших и валявшихся как попало старых бетонных плит, ничего «смягчающего» не было.

Но вот до них и донёсся оборвавшийся вскрик, и смачный удар: хрясь! Выжить после такого падения – невозможно! Разве что чёртова старуха умела летать. Но метлу они ей давать не собирались, а со связанными руками-ногами не больно-то поколдуешь и летаешь. Вот только рот...

Да, упущение.

Но впредь он будет поумнее.

Снова ослепительно сверкнуло, и гром прокатил по небу над головой груды железных бочек – значит, молния ударила где-то совсем рядом.

Хенрик, когда стихло, не оглядываясь нарочито громко сказал:

- Господин Бургомистр, господа. Благодарю за вашу помощь. Я вас больше не задерживаю. Ну а мне ещё нужно провести... Кое-какие обряды.

Раздался почти единый – словно они долго репетировали! – вздох облегчения. Толпа за его спиной стала шаркать ногами, тихо и всё ещё испуганно переговариваться. И «накал страстей» явно пошёл на убыль.

Но вот затихли и последние шаги на лестнице, чудом сохранившейся в «рабочем» состоянии в этой голой бетонной махине. Практически – нагом костяке. Остове без стен, а лишь с бетонными колоннами и балками скелета, межэтажными перекрытиями на них, да горами мусора, валявшегося где только можно. И нельзя...

Хенрик быстро оглянулся.

Нет: никого.

Он вздохнул. Значит, шелест шагов просто послышался...

Вот теперь, когда вокруг не было ни врагов, ни «помощников», он мог позволить рукам снова дрожать. Чёртов прогрессирующий рассеянный склероз! И ничем-то его в нынешние времена не вылечишь. Ну а показывать, что «друзьям», что врагам, слабость – ни в коем случае нельзя. Иначе может пронестись слава по поселениям, что Хенрик-то... Уже не тот!

Потеря лица.

Потеря денег.

А у него кроме его «профессии» ничего больше и нет...

Он вздохнул. Осторожно сел прямо на бетон, на то ровное место, которое облюбовал себе ещё в прошлый раз, скрестив ноги по-азиатски, лицом к открытому пространству. Да, видно отсюда, с высоты, далеко. Было бы. Если б не привычная дымка над «просторами», темнота, уже сгустившаяся, да на небе - сиренево-чёрные грозовые тучи. Которые никогда теперь не рассеиваются над тем, что осталось от планеты. И цивилизации.

Первую мантру-молитву он прочёл про себя. Вторую, на латыни, «закрепляющую» - уже вслух. И ему было глубоко плевать, если его мощный и басовитый голос услышат даже оттуда – с провалов улиц, или, точнее, того, что от них осталось.

А сейчас от всех больших городов именно это и осталось: полуразрушенные, без стен-перегородок каркасы высоток ближе к окраинам. Снесённые напрочь чудовищной взрывной волной и превращённые в пыль здания в его центре. Обычно представлявшем из себя просто хаотично разбросанные груды строительного мусора. И кое-как сохранившиеся одно- или двухэтажные домишки по периметру. Дальнему.

Зато вот метро...

Да, в бывшем Канзас-сити было и метро.

И это именно в нём, скрываясь от радиации, а заодно выращивая на дрожжевых фермах, на стеллажах в тоннелях, то, что можно хоть как-то употреблять в пищу, и ютится местное население. Нищее, полуголодное, озлобленное.

«Вдруг» ставшее очень злобным, набожным и... Мнительным.

Хенрик вновь мысленно ухмыльнулся: если б не эта мнительность, да то, что из-за той же радиации и перманентного стресса у некоторых старух и даже молодых едет крыша, и они начинают заговариваться, бубнить, кружиться на месте, трястись, и «смотреть дурным глазом», у него не было бы работы. Какого-никакого, а – куска хлеба.

А ведь почти всё *это* – просто реакция ослабленного голодом и стрессом организма на окружающие условия жизни.

Если её таковой можно назвать.

Хенрик ещё не родился, когда произошла Катастрофа.

Выжили тогда только те, кто проживал в пригородах и маленьких городишках. И посёлках. Туда бомбы, конечно, никто не бросал. Но позже, спустя недели, выжившим так и так пришлось перебираться в вымершие в первые же часы и дни «большие города», чтоб, забравшись под землю, скрыться от радиации и кислотных дождей. Ну а потом, когда похолодало, и солнце навсегда скрылось за пеленой непроницаемых туч, превратив дни – в хронические сумерки, выходить на поверхность и вовсе стало бессмысленно: всё равно вырастить на заражённых и смертельно опасных «полях» стало невозможно – ни-че-го.

В смысле – ничего такого, что можно было бы есть, не боясь в муках отправиться за теми, кто населял изначально все эти большие города.

Третью мантру он прочёл снова про себя. Встал. Задрал голову, проорал в пространство: «Да свершится воля твоя!» Развернулся. Закутался плотнее в свой кожаный плащ.

В молодости, в логове своей второй ведьмы он нашёл истрёпанный и полуистлевший журнал-комикс. «Ван Хельсинг». Там у главного героя, тоже, кстати, боровшимся со всякого рода нечистью, был такой же плащ. Красиво развевавшийся на ветру в ключевые моменты «действия». Смотрелось, конечно, солидно и стильно.

Вначале Хенрик думал, что это просто такое, типа, пижонство: чтоб узнавали. Боялись.

А потом понял: когда температура на поверхности не поднимается выше плюс пяти даже так называемым днём, плащ из натуральной кожи очень даже удобен. И в нём тепло. А ещё – отличная маскировка.

Чёрный же.

Да и специфику ритуала «суда и следствия» над Ведьмами, а затем и казни, он просёк быстро. И решил обставлять так, чтоб посолиднее. И покрасочней. Хотят люди шоу – ну так нате вам шоу!

Спуск по голым лестничным пролётам много времени не занял. На уровне земли, пройдя сквозь завалы чуть вперёд, он внимательно рассмотрел то, что осталось от ведьмы. Жуткий, неопрятный мерзкий тук. Клочки одежды с уже запекшимися и почерневшими потёками крови, и торчащими кое-где грязно-белыми обломками костей...

Ну, и немного плоти.

Вдохнув – не любил Хенрик этого, но как иначе доказать, что работа выполнена до конца?! – он вынул из ножен свой меч.

Голову отрубил. Меч отёр об остатки ведьминой одежды. Спрятал в ножны. И только после этого взял за волосы голову женщины. Посмотрел в широко распахнутые глаза. Кивнул всё ещё перекошенному в крике рту – откричалась ты, старуха. И ни на кого больше не «наговоришь».

Глаза закрыл пальцами – указательным и средним. Порядок.

В таком виде можно и предъявлять «заказчикам».

А поскольку обряды «проведены», и положенные молитвы прочитаны, опасаться мести «духа» этой старухи никто в этом поселении не будет.

Что, впрочем, отнюдь не исключает рождения новой ведьмы.

В подземельи его уже ждали.

Молчаливый страж, буркнув: «Прошу за мной», проводил его по смрадным, освещаемым лишь дохленькими масляными коптилками, тоннелям, в комнату, где обычно «работал» Бургомистр.

Когда Хенрик вошёл, тот несколько суетливо встал, и сделал движение, словно собирается подать руку... Но увидев, что держит в ней Чистильщик, руку быстро опустил, прижав к штанине.

Хенрик, не желая лишний раз смущать пожилого толстячка, спросил:

- Куда вам её?

- Э-м-м-м... Мы... полагали, что вы её... Сами!

- Да, я могу её убрать отсюда. Но мне нужно было дать вам убедиться. Что работа...

Выполнена.

- Да! Да, конечно... - Бургомистр снова засуетился, и, наконец развернулся к сейфу, опасно косясь на Хенрика. Его руки стали что-то на наборном диске набирать, а плечи беспокойно подёргивались, выдавая огромное желание поскорее разделаться с этим гнусным делом, и избавиться от странного и страшного гостя. И его «доказательства».

Хенрик не обольщался: знал, что практически все наниматели ненавидят его, боятся, но вынуждены платить за «работу». Если не хотят, чтоб напуганные «Ведьмами» и измученные их «мерзкими проделками и наговорами» собственные граждане не переизбрали на их вполне тёпленькие места кого-то другого. Или даже вовсе – не растерзали, возмущённые бездельем начальства. Как иногда случалось в некоторых поселениях, где он уже работал.

Но вот золотые монеты и высыпаны на столешницу. Пересчитаны. Спрятаны снова в мешочек. Который Хенрик привязал к поясу штанов.

- Благодарю, господин Бургомистр.

Больше сказано ничего не было, Хенрик коротко кивнул, и вышел. Забрав голову, которую перед этим ставил на пол. И он был уверен: сейчас пятно, оставшееся от неё, какая-нибудь срочно вызванная уборщица будет тщательно замывать, про себя проклиная его.

До комнаты, которую им выделили, он добрался за пять минут.

Тони уже ждал его: их немудрёный скарб упакован в два рюкзака, походные постели-матрацы приторочены на них сверху.

- Всё в порядке. – демонстрация головы, - Бургомистр рассчитался.

- Отлично! – на лице напарника, его двоюродного брата, расплылась довольная улыбка, - Без сложностей?

- Без. Для этого и голова! – Хенрик покосился на неё. Голова... Вела себя «примерно».

- И – что? Даже не захотели оставить на память? Посадить на кол? Для остротки остальных честных и добропорядочных граждан?

- Нет. Ну, двинули.

- Двинули. Но придётся пройти через водную комнату. Вода почти закончилась.

В водной комнате, заливая обе фляжки и пятилитровую алюминиевую канистру из крана в огромной цистерне, они не разговаривали. Поскольку тут оказались люди поселения. Впрочем, поспешившие выскочить из комнаты, словно за ними черти гнались, едва увидели Хенрика с его ношей. Мысленно он хмыкнул. Тони же не удержался:

- Если б ты не был моим компаньоном и братом, я, увидев твоё выражение лица, и сам бы в штаны наложил!

- Не иронизируй. Ты тоже не красавчик. – Хенрик знал, что три застарелых шрама, по диагонали пересекавших его лицо, (встреча с медведем!) – не красят его. Да и профессия их... Не для весельчаков.

- Знаю. Ладно, всё готово. – Тони как раз закончил упаковывать канистру в свой рюкзак.

К выходу из подземелий метро они дошли за десять минут. Их никто не провожал. Стража – два здоровых амбала, дежурящих при колоколе, расположенном у узкого, только-только протиснуться, прохода – принялась истово плевать через плечо, стоило им миновать входное отверстие.

Обычная для осени вечерняя гроза уже прошла, и дождь стих. Пахло озоном. Немногочисленные лужи быстро впитывались в трещины в бывшем асфальтовом покрытии. Хорошо хоть, уже сильно похолодало, и испарения практически не было. Ну вот: хоть какая-то польза от «ядерной зимы».

Ладно, вот и этот «очищенный» «город» остался позади.

Очередное задание, очередной гонорар.

Хенрик невольно выругался про себя: он-то – видел. Что жизнь становится всё хуже. Набор продуктов всё скудней - везде. А конца-края не видно. Чёртовы тучи, наплевав на надежды человечества, вовсе не думали рассасываться с небосклона...

Когда протопали по кое-как расчищенному от обломков мокрому тоннелю улицы, ведущей на восток, метров сто, Тони обрадовал:

- На волне сто два и семь, это - частота Нэшвилла, - два часа передавали, что *очень* нуждаются в наших услугах.

- Очень?

- Очень.

- Ты ответил?

- Да. Разумеется, выждав пару часов. Ну, ты меня знаешь – мы не какие-нибудь слуги: свистнул – и мы тут как тут. Мы – солидные дельцы. Ждём, чтоб наши наниматели сами... Поняли, как в нас нуждаются! Вот я и сказал, что раньше, чем через три-четыре дня мы не освободимся. Ну, и ещё пару суток нужно будет, чтоб до них дотопать.

- Правильно всё сказал. Нам нужно иногда и отдыхать.

- Ха! Очень смешно. Ты ещё скажи, что потратил массу «душевной энергии»!

- Тони. Если б *ты* не был моим братом, я тебя точно когда-нибудь придушил бы. Убивать бесноватых или тихих психов – удовольствие ниже среднего. И даже я – расстраиваюсь.

- Ну, это понятно. Люди же. Пусть и спятившие... Но! Согласись сам: это – не то, что по двенадцать часов в сутки корпеть над чёртовыми грибами и дрожжами на ферме. Или вытаскивать вёдра с водой из стометровых колодцев. Или перелопачивать сохнувшие нечистоты, идущие на удобрения. Или шить ручную одежду из полусгнивших остатков материи. Или...

- Хватит. Согласен: мы не... перенапрягаемся. Всё равно – убийства – это убийства. Раньше таких как мы сажали на электрический стул.

- Раньше! Раньше и Ведьм не было! А только всякие там маньяки да наркоманы. Которые ещё и кайфовали от того, что кого-то - !..

Хенрик хмыкнул. Всё верно. Преступность в те времена, незадолго до Катастрофы, приняла реально угрожающий масштаб.

Зато после Катастрофы – как отрезало! Никто никого не убивал, не грабил, не насиловал. И даже не «халтурил» на работе. Потому что все «стучали» на всех. И все были на виду. Ведь выжило-то... Немного.

Вряд ли больше пары процентов от того, что было.

А всё потому, что пока ещё было электричество, и хорошо работало радио, все выжившие договорились о введении Чрезвычайного Положения. И разработали Правила поведения. И установили «стандартные» наказания. За нарушения. Очень кстати вспомнив недоброй памяти организацию с железной дисциплиной и чёткими Законами. Ку-клукс-клан.

И теперь решение о смертной казни нарушителя Общественного спокойствия, убийцы, или насильника – принимали Комитеты самоуправления и общественного спасения. Во главе с Бургомистрами.

И число желающих «побузить», понасиловать, и поворовать после пары лет работы таких Комитетов сократилось практически до нуля. Поскольку организовать в достаточно сильные банды им просто не дали. Те, кто сам «организовался» в такие вот «общественные» по сути - банды.

А ещё потому что казнь через медленное повешение, с выпученными глазами, посиневшим и выпавшим изо рта языком, и дикие хрипы агонии – очень наглядный пример, как человек не хотел бы окончить жизнь...

Другое дело – Ведьмы. Если такую женщину начинали подозревать, и уличали – к ней реально боялись приближаться. Иногда даже в карцер не сажали – оставляли на свободе. И, страшась проклятий и порчи, вызывали Чистильщиков.

В этом регионе центральной части континента – работают они с Тони.

На восток от них – Гарольд. На запад – Лоджия. На север и юг – Сай и Петорак. Да, в их «ведении» несколько сот тысяч квадратных километров. Пусть и без крупных рек, «выдающихся» достопримечательностей, вроде Гранд-Каньонов или Ниагар, и даже без приличных гор... Ну и плевать – проходить везде пешком очень даже удобно. Большую часть имевшихся на этой равнине ручьёв можно переходить вброд.

И Хенрик не мог пожаловаться, что его «угодя» малы и не «плодородны» - очень даже «плодородны». Скучать не приходится. И они даже умудрились отложить себе пару «кладов-заначек» - на чёрный день. Когда станут старые и растеряют «квалификацию». Только вот...

Только вот осесть где-то в одном из поселений, и тихо и мирно «дожить» свой век – вряд ли удастся.

Они – Чистильщики! Везде – чужаки. Вроде неприкасаемых.

Значит – все будут и бояться их, и ненавидеть, и рано или поздно – отравят. Или пристрелят из-за угла. Или ещё что-нибудь придумают. Страх толкает людей на такие поступки, о которых в «цивилизованном» Обществе прошлого и помыслить было невозможно!

Ну, тому, кого воспитали на старых принципах морали. И Заповедях.

Продолжая чутко вслушиваться в свист ветра и обычные звуки холмистой пустоши, окружавшей их теперь, Хенрик надумал наконец избавиться от головы, которую, задумавшись, так и нёс в руке. Запустил её в ближайшие кусты. Точнее – скелеты того, что когда-то было кустами.

Прощай, «гроза» Канзас-сити...

Где-то через два часа после того, как руины города остались позади, перебрались через ручей Литтл Фрог Крик – мелкий, как и все остальные, в это время года. Перешли по большим камням. Даже не замочив ног.

Примерно ещё через час Тони, идущий сзади, проворчал:

- Если мои не врут, сейчас десять. Пора бы устраиваться на ночлег.

Хенрик, привычно идущий первым, кутаясь от пронизывающего ветра в свою «кожу», и привычно высматривавший возможные преграды и риски, кивнул не оглядываясь:

- Твоя правда. Давай-ка вон туда – к дереву.

Когда они, продолжая идти по голой и поросшей колючими кустами равнине, через пару минут приблизились к почерневшей роготулине, стало ясно, что от дерева остался только полусгоревший (Похоже, трахнула молния!) и истлевший скелет. Зато рядом, в десяти шагах, оказались очень даже «уютные» руины чего-то вроде коттеджа. Правда, от него тоже остался только бетонный фундамент, но в «помещениях» со стенками высотой всего с полметра хотя бы не так задувало.

Поужинали быстро. Чем «Бог послал». А послал он по горсточке сухофруктов, да миске всё той же опостылевшей дрожжевой каши, которой их кормили во всех поселениях. Хенрик мысленно усмехнулся: а ещё бы она – да отличалась. «Рассада»-то – одна!

Хотя...

Если вспомнить и непредвзято подойти – да, народ стал и жить и питаться гораздо, гораздо хуже. Ещё лет восемь-девять назад в поселениях их «угодий» люди выпекали и хлеб. Пусть ржаной, но это был – хлеб.

Но даже запасы муки со старых армейских складов «стратегического запаса» рано или поздно должны были закончиться.

Чего ж удивляться, что все жители Общин всё сильнее ненавидят друг друга, и только и ищут – как бы найти «козла отпущения». Точнее – козу. Чтоб можно было свалить на неё все свои, и родных и близких, неудачи и проблемы. Да и еды тогда всем при раздаче – больше достанется!

Запив немудрёный ужин скупыми глоточками воды из фляг, они расстелили спальные, на которых до этого сидели.

- Ну что – спаточки?

- Да. Сегодня ты первый дежуришь. – нарочито громкий голос Тони не позволял усомниться в том, что с ужином покончено. А увидев, как он вынул из уха наушник микроприёмника, Хенрик мысленно усмехнулся: всё верно.

- Как думаешь, этот гад уже подобрался достаточно близко? – шёпот Тони Хенрик слышал и понимал отлично, потому что они привыкли так переговариваться. И на «заданиях», и в «быту». И хотя братишка только что шёл сзади, и имел возможность прислушиваться к тому, что происходило за их спинами лишь одним ухом, пусть и очень натренированным, скрытное, но всё равно слышимое передвижение их преследователя не явилось сюрпризом и для Хенрика.

- Вряд ли он рискнёт подобраться ближе пятидесяти шагов. Там, сзади, спрятаться негде.

- Но я слышал, как он пытался обойти нас слева. Вот сейчас. Пока мы ужинали.

- Хм-м... Надо же. Не услышал. Что-то я отвлекся на чёртовы сухофрукты. Уж больно они громко чавкались во рту. Плохо. Теряю бдительность. И квалификацию.

- Ты ври-ври, да не завирайся. «Теряю квалификацию»!.. Ха! Я же видел, как ты смотрел туда. Исполдбья. Боковым зрением.

- Да, было дело. И я примерно представляю, за какой грудой камней сейчас прячется эта сволочь. Жадная и беспринципная.

- Да нет, нормальная. Насколько я помню, отобрать наши деньги, заработанные честным трудом, пытались аж трое.

- Угу. Было дело. Ладно. Достань-ка *ты* пушку.

- Да вот она. – Тони протянул Хенрику рукояткой вперёд огромный чёрный пистолет с длинным набалдашником глушителя.

- Ага, замечательно. Теперь поговори. Типа – отвечаешь на мои вопросы. – Хенрик с кряхтением сделал вид, что ложится на расстеленный спальник, и громко буркнул: - Чёрт! Местные камни могли бы быть и помягче!

Тони поспешил подыграть:

- Ну, нет! Нормальные камни. А вот наши деньги... Они – что? Достаются нам легко?

И, словно отвечая на реплику Хенрика:

- *Денег* не бывает много! Да и сам знаешь: брать дешевле за наши услуги нет смысла! И престиж... Не забывай про престиж Чистильщиков!

К концу этой его фразы Хенрик уже растворился в ночной тьме, выскользнув неслышной тенью сквозь то, что осталось от дверного проёма коттеджа, и оставив вместо себя на спальнике фирменный чёрный плащ.

За спиной Чистильщик, одетый в чёрные мешковатые штаны и чёрную же рубашку-куртку с балахоном-капюшоном, продолжал слышать реплики напарника, иногда возмущённые, иногда спокойные. Но его глаза, уши, и все остальные органы чувств уже переключились на Охоту.

Всё верно: вон оттуда, из-за кучи щебня, соседней с той, которую он заприметил, донеслось что-то вроде стука потревоженного камешка о гальку. Вот, значит, как. Перебрался тот, кто охотится на них, чуть ближе к руинам «коттеджа». Ну-ну. Храбро. Но наивно – неужели он и правда считает, что оба компаньона, выполнив работу, расслабятся, будут беспечны, и за болтовнёй полностью утратят бдительность?

Сразу видно – человек из поселения. И никогда не выходил и не ночевал за его пределами. А то волкогиены, койоты, медведи и росомахи быстро вставили бы ему мозги куда положено. В-смысле – сожрали бы. Вместе с мозгами.

Однако двигался незнакомец всё же достаточно тихо. Словно обладал кое-какими навыками подкрадывания. Профессиональный охотник? Вряд ли. Эти из чувства «солидарности» на коллег, часто бывающих на пустошах и заражённых землях, никогда не нападают.

Но вот Хенрик и завершил широкий полукруг, который пришлось описать, чтоб подкрасться сзади к преследователю. И того стало видно.

Правда, не сильно это помогло: чёрная лежащая за бугром фигура, накрывшаяся таким же черным, как и у него, плащом. Смотрит. Слушает.

Тони как раз сделал вид, что тоже ложится, но вначале пожелал «отлить». И пока незнакомец возмущённо сопел, глядя, как Чистильщик распаковывает своё хозяйство из двух штанов, и справляет то, что положено, на кустики за пределами фундамента, Хенрик подобрался на пять шагов.

Но тут везение кончилось: позади него пискнула, и прошуршала по камням потревоженная им хомяковая крыса.

Разумеется, незнакомец оглянулся. И, разумеется, Хенрика заметил: в его вскинутой руке мгновенно оказался пистолет – почти такой же, как у Хенрика, но без глушителя!

Хенрик не стал миндальничать или рефлексировать: выстрелил первым.

Отрывистое рывканье его девятимиллиметрового Кольта наверняка услышал и Тони. Во всяком случае, он застегнул свои ширинки, и крикнул:

- Готово?

Хенрик буркнул:

- Да.

- А он точно был один? – они однажды подверглись нападению «тандема»: мужа и жены.

- Не один. Одна. – Хенрик уже подошёл, перевернув носком сапога труп успокоившегося навсегда «охотника». Точнее, охотницы.

Наполненные злобой глаза чуть посверкивали в отсветах того тусклого чёрно-бардового зарева, что теперь всегда мерцало на небе по ночам. Из рваной огромной дыры на лбу выступила чёрная во мраке кровь. Затылочной кости черепа вообще не было – мощные у них пушки.

Хенрик пожал плечами: а кто тебя, неподготовленную амбициозную дуру, заставлял пытаться преследовать профессионалов?

К нему подошёл Тони. Присвистнул:

- Надо же. Первый раз вижу, чтоб денежки таким путём попыталась присвоить... Женщина. О! Слушай! А может, она и есть – дочь чёртовой Ведьмы?!

- Ну, я бы дал за это процентов двадцать. Дочь вероятней всего прихватила с собой, чтоб похоронить, голову. Которую я специально кинул так, чтоб осталась на виду.

- Ха! А тогда - остальные восемьдесят?

- За то, что это – наглая и борзая одиночка. Какая-нибудь проститутка, слишком старая, чтоб привлекать много клиентов. Вон: видишь, волосы отсвечивают. То есть - седые. И руки морщинистые. Старуха, словом. Скорее, я бы сказал, что это – какая-нибудь двоюродная сестра... Или ещё какая знакомая последней Ведьмы. Бургомистр сказал, что родных сестёр у неё нет.

И она хотела и денежку у нас отобрать, и, типа, отомстить заодно.

- Ладно. – Тони опустил руку возле женщины на колени, - Обыщу-ка я её.

В результате тщательного осмотра тела подтвердилось, что нападавшая стара, и не особенно красива. Мягко говоря. Хотя фигура оказалась неплохой: да, такая могла подрабатывать местной проституткой. В темноте.

- Похоже, кроме пушки она ничего не успела прихватить с собой из своего логова в городе... разве что ещё две обоймы. И нож. И ещё один нож, метательный. И спички.

- Ну и ...рен с ней. Пошли к спальникам. Если хотим выспаться, самое время начинать.

- Согласен. А с ней... Что делать будем?

- А ничего. Пусть об этом у её родственничков голова болит.

- Смешно. А как они узнают, что она – здесь?!

- А вот это нас абсолютно не касается!

Укладывая трофейные ножи, спички, пушку и обоймы в один из многочисленных карманов своего рюкзака, Тони прокомментировал:

- Всё равно – первым сегодня дежуришь ты!

Вахта Хенрика длилась всегда до трёх ночи.

Чтоб не заснуть и не утратить бдительности, он иногда вставал, и шевелил плечами и тазом: разминка. Но вокруг было тихо. Не выли даже койоты. Впрочем, сейчас они и не воют: не сезон. А вот цикады стрекотали. Правда, тихо: естественный отбор! Всех, кто стрекотал громко, давно поели летучие мыши. И просто – мыши. Полевые. Которые сейчас размером с крыс. Которые сейчас размером с кошку. Домашнюю. Которые давно поперескрещивались с рысями и пумами. Так что теперь страшнее «кошки» зверя нет. Хорошо хоть, они водятся только в лесах...

Один раз, правда, Хенрику показалось, что местом их ночёвки заинтересовался койот. Однако вскоре выяснилось, что он заинтересовался трупом «охотницы». А поскольку в планы Хенрика не входило, чтоб в пятидесяти шагах от них чавкала и громко грызлась за добычу стая падальщиков, он подобрался к наглецу, и уложил того на месте метким выстрелом.

Других желающих поживиться свежим мясом в его смену не нашлось.

Растолкав Тони на его вахту, Хенрик рассказал о койоте. Тони зевнул:

- Ну, значит, можно не бояться наплыва других мясоедов. Койоты чётко охраняют *свою* территорию. А его самка и дети не выйдут из логова, пока «папочка» их не позовёт.

Утром, после того, как напарник разбудил его на завтрак, Хенрик смутно вспомнил, что снилась ему какая-то гадость. Но вот какая?..

После завтрака Тони спросил:

- Мы шкуру с этого уroda снимать будем?

- Зачем?

- Ну как же! Такую всегда можно продать жителям какого-нибудь поселения. Они ценят натуральный мех.

- Ты займёшься этим?

- Да, займусь. Но тогда деньги от продажи – все мои.

- Не возражаю.

- Ага, хорошо. К тебе только одна просьба: помоги подвесить на чёртово дерево.

Глядя, как споро и азартно напарник потрошит, начав с задних ног и «кормы», подвешенное за заднюю ногу туловище чёрно-серой расцветки, Хенрик не забывал оглядываться по сторонам. Нет, никого больше. Даже семья койота, которую тот наверняка и пытался прокормить, не показывалась. А умно. С их стороны. Ну а хомяковые крысы не представляют опасности.

А вообще шакалы, действительно охраняющие обычно свои охотничьи угодья, сейчас, под воздействием остаточной радиации, вырастают до восьмидесяти килограмм. И покрыты действительно шерстистой, защитного окраса, шкурой. Единственный минус – шерсть быстро вылезает.

Но Тони оказался прав: шкура получилась приличная.

- Сейчас натру мозгами, а вечером обработаю её солью и золой.

- А почему не сейчас?

- Лень.

Хенрик возмущённо фыркнул: снимать, быстро-быстро подрезая отточенным до остроты бритвы ножом, и выскабливать скребком было не лень, а теперь просто присыпать – лень. Где логика?!

- Нет. Давай-ка натри и присыпь сейчас. Днём будет выше ноля, и она начнёт вонять. А нам привлекать хищников ни к чему.

- Хм-м... разумно. – Тони снова расстелил шкуру на сравнительно ровном месте, и занялся.

Закончив, буркнул:

- Чёрт. Соли осталось мало. Придётся прикупить.

- Прикупим. Сворачивай и выходим.

Примерно через час пути, когда по-идее уже должно было встать там, за тучами, солнце, Тони наконец надумал спросить:

- А почему это мы идём не к Нэшвиллу, а к старому Полигону?

- Во-первых, потому, что это почти по дороге. Ну а во-вторых мне кое-что там нужно. А временем, благодаря тебе, мы располагаем.

Больше вопросов не последовало. И до самого «обеда» так они и продвигались: вслушивавшийся и всматривавшийся в окружающее пространство Хенрик впереди, Тони, пыхтящий под тяжестью прибавившегося груза в виде пушки и шкуры – сзади.

В два решили остановиться. Их никто больше не преследовал, даже другие шакалы-койоты, на территорию которых они уже наверняка вторглись, не показывались.

Во время обеда традиционно помалкивали. Не забывая опять внимательно вслушиваться в окружающее их пространство холмистой пустоши. Привычно покрытой редкими скелетами давно сдохших кустов и деревьев. Проглотив последний кусок вяленного мяса, и запив скупым глоточком из фляги, Хенрик спросил:

- Что в радиозфире?

- Пока тишина. Даже Нэшвилл помалкивает. Ну, собственно, они всё сказали ещё вчера, и заткнулись сразу после того, как я ответил. Берегут оборудование.

- Ладно. Будет день – будет пища. Лежать будем?

- Будем. – тяжкий вздох сказал Хенрику, что Тони недоволен.

Пока раскатывали спальники, и ложились, помалкивали. Наконец, поглядев минут десять в затянутое тучами небо, Хенрик не выдержал:

- Н-ну? Колись уже: чего так тяжко вздыхал?

- Да глупо это, в-общем-то, но... Мне сегодня снился дурацкий сон.

- Плохой?

- Нет, просто дурацкий. Но вот что там было – уже не помню.

- Ну и ... рен, значит, с ним. Сказал бы, что по-идее нам нужно «повысить бдительность», но мы и так всегда бдим в оба. То есть – в четыре. Хе-хе... А на Полигоне мы не были давно. Да и радиации там уже не должно быть много. Денёк как-нибудь выдержим.

- Да, наверное... Ну, ты спи теперь первый.

Ровно через час Тони Хенрика растолкал. И практически мгновенно отрубился. Хенрик добросовестно бдил ещё час. Нет, никого и ничего. Только пара воронов пролетела на грани видимости – значит, километрах в двух. А кроме воронов сейчас летают... Только мыши. Но они летают – ночью. «Оснащены» же чёртовой эхолокацией, как им рассказывал отец.

Значит – подъём. И вперёд.

До старого Полигона они добрались к полудню следующего дня. По дороге пришлось убить двух мангуст, которые почему-то возомнили себя бессмертными. И оказались наглыми настолько, что попытались атаковать Хенрика прямо в лоб!

Обеих Хенрик разрубил за два же удара, вызвав страшный визг и брызганье пенящейся слюны: не иначе, как бешенные попались! Ну правильно: иначе с какого бы перепугу им кидаться на людей. Да ещё – днём!

Отродясь такого не было.

Меч Хенрику пришлось тщательно протереть. Тряпочкой. И даже обработать другой тряпочкой, намоченной в спирте. Тряпочки пришлось выкинуть. Руки – тоже спиртом протереть.

Сволочи. Заставили потратить их драгоценные «носимые материалы». Даром, что мангусты сейчас – с упитанного кота.

Впрочем, они такие же «мангусты», как хомяковые крысы – хомяки. Но – подвижные, ловкие, зубастые и когтистые твари. Произшедшие, похоже, от горностаев. Хорошо хоть, мангусты – не росوماхи.

Но от тех сейчас равнины и пустоши зачистили. Горожане. Охотники. Из-за их «клиентов», свято верящих в волшебную силу «бальзамов», приготавливаемых из разных частей тел и внутренностей злобных когтистых монстров.

На Полигоне ничего не изменилось. Правда, трава, колючая и с толстенькими стеблями, стала как будто ещё гуще. Хотя... Нереально. Она давно вся – сухая, и тоже сдохла. Без солнца.

Остановившись на ближайшем лысом холмике, Хенрик и Тони довольно долго изучали открывшееся пространство.

Остовы и ржавые детали самой разнообразной техники, какие-то рельсы, корпуса железнодорожных вагонов, цистерны, и даже тепловоз, скелеты грузовиков... Груды кирпича и бетонных плит, оставшихся от пакгаузов и депо. Чего тут только не было!

Путёвого только не было ничего. Поскольку всё, что могло пригодиться «в хозяйстве» растащили проживающие поблизости горожане. Ну, как поблизости – учитывая мощный до сих пор радиационный фон – ближе пятидесяти миль поселений не имелось. А вообще, если верить рассказам старожил, тут раньше была какая-то сортировочная станция железной дороги.

- Ну а теперь открой свой «страшный» секрет. Чего такого «нужного» нам ты собираешься здесь найти? В-смысле, такого, чтоб мы могли утащить *это* на себе?

Хенрик хмыкнул. Пожал плечами:

- Не скажу.

- Это ещё почему?!

- Если скажу – ничего из *этого* найти не удастся!

- Ох, какие мы стали суеверные! В приметы верим. Вслух о своих планах не говорим. Господа Бога, что ли, смешить не хотим?

- Тони. Кончай.

- Ладно, не возражаю. Просто намеки мне: чтоб я тоже поучаствовал в поиске. А не так: «найди то, не знаю что»!

- Ладно. Напекаю. Найди то, что поможет нам успешней выживать.

На это Тони не нашёлся, что возразить.

И только возмущённо фыркнул.

Хенрик между тем насторожился, указав пальцем:

- Посмотри. Вон оттуда только что взлетели два ворона. Летят тяжело: стало быть, желудки полные.

- То есть?..

- То есть, что-то там жрали. А животные сюда не суются. Сечёшь?

- Секу. Найдём сейчас очередной трупешник. А оно нам надо?

- Думаю, надо. Ты только что сам сказал: *просто так* сейчас на Полигон не заходят. Значит...

- Значит – пошли! – в тоне Тони особого энтузиазма не было. Но он тоже понимал, что нужно использовать любой шанс, если он может помочь им...

Выживать!

До места, откуда вылетели вороны, дотопали за полчаса.

Дошли бы, может, и быстрее, но уж больно труднопроходима тут была местность: а ещё бы! Прямо над этим железнодорожным узлом на высоте километра взорвался тактический ядерный заряд.

Искать долго не пришлось: несколько тощих и лысеющих хомяковых крыс суетились вокруг того, что когда-то было человеком. Похоже, совсем уж нечем им тут кормиться. Разве что друг другом.

- Чтоб мне провалиться. Посмотри, - Тони носком сапога поддел голову лежавшего на спине человека, сдвинув при этом то, что оставалось от волос и бороды, - Старик! Всё седое. А на затылке – плешь!

- Какое тонкое наблюдение.

- Ну ты тогда скажи! Чего строишь из себя умника? Чего ты там такого «вычислил», не прикасясь к мертвяку?!

- А ничего тут мудрить особо и не надо. – Хенрик хмыкнул, - Раз он пришёл сюда, и пришёл явно один, значит, хотел забрать что-то ценное, про что было известно только ему одному. А умер... Скорее всего от сердечного приступа – видишь, рот оскален: значит, задыхался, ему не хватало воздуха. Наверное, орал. И никого из других людей с ним не было.

- Это как же ты это определил?!

- По его суме. Полная! Наверняка там все его «сокровища». И остатки еды. И если б кто-то был с ним, уж её-то – точно забрали бы. Ну а мелкие хищники, вроде хомяковых крыс и воронов, шмотки не трогают. Предпочитая выедасть плоть через дыры в одежде. Ты же видишь: от него остался практически обглоданный скелет там, под остатками одежды.

- Да уж... А это – что? – Тони указал на странный предмет, зажатый до сих пор в костях пальцев правой руки.

- А это... - Хенрик поспешил подойти поближе, пинком отогнав особо борзого хомяка, и широко раскрыв глаза, - Ключ!

- Что?

- Ключ. Старинный. Стальной. Таким обычно открывали... Английский встроеныый замок. На бронированной двери. Ведущей в...

- Хранилище! Точно! Вот, значит, за чем этот старпер сюда припёрся! Достать из секретной захоронки нечто, что мог бы продать. Или обменять на еду. Тогда он точно – один пришёл! И старался, чтоб никто не видел, как он сюда идёт.

- Да. Только вот... Похоже, нам это мало поможет. Мы не знаем, где эта самая бронированная дверь. Вот если бы он лежал непосредственно возле неё...

- Ну ты уж вообще обнаглел. Может, тебе эту самую дверь ещё и подать? На блюдечке с голубой каёмочкой? Не переломимся, если поищем!

- Поискать-то мы, конечно, поищем... Да только если б её было так легко найти – давно бы кто-нибудь сделал это до нас.

Замаскирована, значит. Причём – капитально!

Ухмылочка на лице напарника несколько подвяла.

Вопреки пессимистическому настрою Хенрика, дверь они нашли всего через десять минут тщательного осмотра местности. Труп приняли за центр, поделили на два равных сектора, и принялись обходить: полукругами.

Дверь нашёл Тони:

- Хенрик! Иди-ка сюда!

Дверь оказалась прикрыта чем-то вроде шифера, и ещё остатками какой-то маленькой дрезины. Явно – на «ручном» ходу: с двумя рукоятками.

- Вот почему он надорвался: не смог один отвалить её в сторону!

Херник кивнул:

- Похоже. И на последнем издыхании успел-таки отойти на шагов сорок. Чтоб уж точно не нашли схрон, если он загнётся.

- Наверное, надеялся оклематься. Полежав.

Хенрик только пожал плечами.

- Ну что? Мы паяться будем, или уже отвалим эту дуру?

В «дуре» оказалось килограмм сто пятьдесят: да, такую в-одиночку не больно-то подвигаешь. Только если уж очень «богат» здоровьем и силой.

«Шифер», а вернее – плиты из цементочерепицы, убрали так, чтоб не повредить: вдруг придётся ими снова маскировать «захоронку»?

К дверце, представлявшей из себя бронированный прямоугольник метр на полтора, вела полуобрушившаяся и выкрошившаяся бетонная лестница.

Хенрик, спустившийся первым, передал Тони несколько наиболее крупных мешавших кусков бетона:

- Не забыть бы уложить их обратно.

- Так ты считаешь, что там найдётся чем поживиться не только в этот раз?

- Да. Ладно, пробую отпереть. Хм-м... Замок смазан недавно: не больше пары лет назад. Петли... Тоже.

- Ну правильно, - напарник с пушкой с глушителем в руке, бдивший сейчас во все стороны, стоя над головой Хенрика, усмехнулся, - Если бы он его не смазывал, ...рен бы сюда попадал. Английский замок – это, насколько помню, такая штука, которая работает только в чётко подогнанной системе «дверь-косяк». В-смысле, «язычок-паз».

- Открылся. – Хенрик сам удивился, насколько легко провернулся ключ, и явственно услышал щелчок язычка, - Сейчас посмотрю, что там.

- Давай-давай. Голову только береги – может, там летучки.

Хенрик, уже доставший свой универсальный светодиодный фонарик, попробовал толкнуть дверь: та открывалась вовнутрь. Дверь отворилась.

Темнота. Никаких летучих мышей. И ещё одна лестница, круто уводящая вниз. Но у этой ступеньки казались менее выкрошившимися.

- Тут крутой бетонный тоннель с лестницей. Ведёт вниз. Насколько вижу, метров на двадцать в глубину.

- Ну и чего ты ждёшь? Сам же знаешь: я – наверху. Прикрываю.

Хенрик вздохнул. Но деваться действительно некуда. Хотя вероятность того, что кто-то захочет захватить их врасплох, пока они вдвоём будут шараться внизу, ничтожна, но – не нулевая.

А они потому и живы до сих пор, что всё стараются сделать по уму...

- Ладно, я полез. Ориентировочно десяти минут на осмотр мне хватит.

- Нет уж. Ты уж там осмотришь капитально. Чтоб не вылезать каждый раз наверх, для того, чтоб сообщить: «со мной всё в порядке!» Проверь всё, что может найтись ценного и полезного в этой дыре. Которая лично мне кажется весьма перспективной. Недаром же наш «друг» наведывался в неё явно не один раз!

Мысленно согласившись с братом, Хенрик начал спуск. На это ушло не больше минуты. И вот он внизу. Ещё одна дверь. Незапертая. А за ней...

Ну, не каморка, конечно, а... Похоже, бывшая диспетчерская. Или комната для сменных работников станции: на стеллажах, идущих в два ряда вдоль стен, стальные башмаки для подкладывания под колёсные пары, сигнальные фонари, канистры с маслом, бадьи с солидолом... Который сейчас превратился в монолитную жёсткую массу навроде асфальта – Хенрик попробовал потыкать ножом: им солидол не помешал бы. Ага – два раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.